

Алиса Даншох

Флоренция.
Вид с холма

Алиса Даншох

Флоренция. Вид с холма

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Даншох А.

Флоренция. Вид с холма / А. Даншох — «У Никитских ворот»,
2017

ISBN 978-5-00095-332-7

В новую, пятую по счёту, книгу обозревателя «Литературной газеты» Алисы Даншох вошли культурологические эссе, посвящённые Флоренции. Этот город с давних пор любим далеко за пределами Италии, и о нём написано немало. Но уверены: увлекательные истории от Алисы Даншох об этом замечательном месте, её взгляд на былое и настоящее будут интересны читателям.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-332-7

© Даншох А., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Предисловие. Книга о любви	6
От автора	7
Глава I. Флоренция. Вид с холма	9
Глава II. Увидеть Флоренцию и не умереть	13
Глава III. Про Данте	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алиса Даншох

Флоренция. Вид с холма

© Даншох А., 2017

© Фонд поддержки искусств «Арт-Линия», 2017

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2017

* * *

*Посвящается дочери Юлия Цезаря, неподражаемой и
непредсказуемой Флоренции*

Предисловие. Книга о любви

Флоренция – один из самых удивительных городов волшебной страны Италии. Приезжая в *Bel Paese* (красивая страна) даже ненадолго, нельзя в неё не влюбиться. У кого-то эта любовь проходит как мимолётное увлечение, оставляя приятные воспоминания о чудесных тосканских пейзажах и средневековых палаццо. Другие влюблённые в этот город люди обретают чувство на всю жизнь, хотя с течением времени вспоминают о нём всё реже. Если вы видите человека, заказывающего кьянти вне контекста итальянской кухни, скорее всего, это именно такой случай. Наконец, иногда встречаются и те, кто так и не смог преодолеть новой страсти; такие люди не на шутку увлекаются всем, что связано с любимым городом, и Ренессанс вытесняет все остальные хобби. Память о Флоренции у каждого своя, но в одном можно быть уверенным: людей, оставшихся к этому городу равнодушными, не найдёшь.

Книга Алисы Даншох, конечно, обретёт своего читателя. Он принадлежит к одной из вышеназванных категорий или к одному из многочисленных промежуточных вариантов. Автору удалось найти ключик к сердцу любого из этих типов «влюблённых»: кому-то важно натолкнуться на интересную, но уже позабытую деталь, а кому-то – прочесть многовековую историю города, изложенную с юмором и ярко выраженным отсутствием эрудированного занудства. Несомненным достоинством книги является отсутствие пафоса, которое гораздо лучше, чем любые «учёные» выкладки или искусствоведческие восторги, заставляет проникнуться красотой и шармом культурной столицы Италии. Замечу, кстати, что, несмотря на лёгкий стиль повествования, сведения из истории в большинстве своём верны или, по крайней мере, не противоречат общепринятой в исторической литературе картине. Строцци, Пацци, Медичи и другие славные фамилии описаны так, как они того заслуживают, – точно и страстно, но без особого пиетета. Их таланты не выпячиваются на фоне их недостатков и всякого рода любопытных подробностей, и читателю предоставляется возможность самому вынести о них своё суждение. Впрочем, к истории и искусству можно относиться по-разному, чего не скажешь о кухне. С неизменным юмором описывая свои рыночные похождения или меню средневекового флорентийца, автор попадает в яблочко – голодным читать эту книгу я категорически не рекомендую. Возможно, найдутся те, кого не тронут ни природные красоты, ни истории из прошлого, ни кухня. Для такого случая в книге есть очаровательный (и познавательный, что тоже важно) рассказ о прошлом и настоящем флорентийской моды. Особое удовольствие, впрочем, доставляют самые романтические страницы, посвящённые любви. Их много. Автор демонстрирует обострённое восприятие чувственной стороны жизни, заставляя сопереживать, жалеть, поддерживать героев своего повествования или даже завидовать им. Сказанное касается не только тех, с кем Алису Даншох свела жизнь непосредственно, но и тех, кто шлёт нам привет из далёкого и не очень далёкого прошлого.

Мне кажется, что все любящие Флоренцию люди получают удовольствие от прочтения этой книги. Повезло и тем, кто во Флоренции пока ещё не был: этот город станет их мечтой, и я желаю им поскорее воплотить её в жизнь.

*Л. Белоусов,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования*

От автора

Однажды в Доме книги на Новом Арбате я купила несколько произведений Генри В. Мортонa. Его трёхтомная прогулка от Милана до Сицилии привела меня в восторг. Проглотив многостраничное объяснение в любви к прекрасной Италии, я решила отправиться по следам британского журналиста.

Записывая свои впечатления, я надеялась накопить материал на сборник «Однажды в Италии». Кое-что у меня уже было припасено: две статьи про Венецию и очерк о приключениях в Милане. «Прекрасно, – говорила я себе, – сейчас напишу про Тоскану, добавлю про Неаполь, Амальфитанское побережье, про некоторые города и острова, и небольшие путевые заметки готовы». Радость оказалась преждевременной. Флоренция своевольно вмешалась в мои планы и надолго заставила заниматься исключительно ею одной. «Если Париж стоил мессы, то уж я тем более стою отдельной книжки», – заявила она. Спорить с ней было бесполезно, и через год пятнадцать глав с эпилогом и иллюстрациями собрались в издание «Флоренция. Вид с холма».

Если бы не терпение, понимание и поддержка мужа, если бы не содействие друзей и знакомых, мне бы вряд ли удалось справиться с острой нехваткой нужной информации и возникшими трудностями по её получению. Пользуясь правом автора, я хотела бы выразить признательность всем, кто принимал участие в подготовке и организации моего долгого творческого восхождения на тосканский холм с видом на Флоренцию.

В первую очередь я от всей души благодарю Ольгу Цупини-Шмитт за невероятную готовность немедленно приходить мне на помощь и словом, и делом, за немереное количество времени, потраченного на кропотливые изыскания, на беседы с людьми, на посещения разного рода объектов, выслушивание и обсуждение моих мыслей, высказывание замечаний и исправление неточностей.

Огромное спасибо лучшим во Флоренции специалистам по связям города с прибывшими в него гостями, а именно гиду Катерине Баркуччи, сопровождающему Анжело Кьярлоне и главному консьержу отеля Four Seasons Полю Лудке, которые сделали всё от них зависящее, чтобы я всё-таки разобралась в своих непростых отношениях с тосканской столицей.

Я благодарна нашим итальянским друзьям – маркизе и маркизу Берлинджери и Стефану Блох-Салоз. Они помогли мне встретиться с «истинными флорентийцами», чьи предки вписали свои имена в историю города.

Я выражаю признательность маркизе Виттории Гонди, поделившейся со мною любовью и преданностью Флоренции, и сестре Джулии, взвалившей на свои хрупкие плечи нескончаемые заботы по уходу за трогательным Английским кладбищем, где покоятся останки пленённых городом иноземцев.

С удовольствием говорю спасибо трём очаровательным трудолюбивым дамам с Понте Веккьо – синьорам Элизе Пиччини, Лауре Перуцци и Николетте Маннелли, а также Лауре Гори из школы кожи в монастыре Санта-Кроче, которые достойно представляют и поддерживают флорентийские ремёсла.

Grazia mille тем, кто чаще всех кормил нас и поил: кафе Gili, ресторанчикам La Posta, Omero, Cammillo, Il Borro и особенно Алессандро Калдини из Il Magazzino, Алессио из Fuor d'Acqua, Игорю Беттарелли из Coquinarius.

Ещё большее количество thank you тем, кто делал наше пребывание во Флоренции приятным и комфортным: отелю Four Seasons под управлением синьора Чиполлини и палаццо Торнабуони, менеджмент которых оперативен и квалифицирован, и особенно хотела бы отметить Франческу Треджиа и Матео Пьераттини.

К списку grand merci надо непременно добавить наших друзей, живущих в окрестностях Флоренции, Анастасию и Сергея Ястржембских, и рекомендованного ими доктора Белига. Вот

уже много лет чудесный остеопат Ральф Айболит и его жена Камилла занимаются здоровьем нашей семьи.

Поток моей признательности мог бы изливаться ещё очень долго, да меня вовремя остановил афоризм русского философа Козьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Даже если это фонтан искренних благодарностей.

Глава I. Флоренция. Вид с холма

Глава, в которой впечатления автора осмеливаются не совпадать с точкой зрения известных представителей мировой культуры

Однажды в «Образах Италии» Павла Муратова я прочла о совете читателям начать знакомство с Флоренцией издали, глядя на неё с холма. Если вы воспользуетесь его рекомендацией, то у вас появится возможность испытать ощущения как в сказке про коробочку, которую, вопреки предостережению, из любопытства открывают раньше времени. Неожиданно перед вами возникает волшебный город с позолоченными крышами домов и дворцов, с причудливыми башнями, стройными колокольнями соборов, с фантастическим ребристым куполом Дуомо, притягивающим к себе взоры подобно гигантскому алмазу в императорском венце. Сверху кажется, что тёмно-зелёная полоска реки Арно похожа на случайно забытый Создателем узкий ремешок с драгоценными перемычками мостов, который опоясывает город, разделяя его на две части. Захватывающее дух зрелище переполняет вас возвышенными чувствами, и вы не знаете, как вернуть их обратно в коробочку, чтобы унести с собой и сохранить на всю оставшуюся жизнь.

Бедняга Анри Бейль, известный читающей публике под псевдонимом Стендаль, настолько переполнился эмоциями при взгляде на Флоренцию с холма, что упал от чувств на тосканскую землю и долго в экстазе рыдал. По крайней мере, он сам об этом писал в дневнике и почтовых открытках друзьям, что дало повод психологам, изучавшим приключившееся с автором «Красного и чёрного», окрестить длительный непроходящий восторг от столицы Тосканы «синдромом Стендаля». Чтобы испытать его (или хотя бы нечто подобное), необходимо соблюсти одно условие: перед появлением на возвышенности не забудьте включить солнце.

При первой встрече с Флоренцией мне повезло меньше, чем Анри Бейлю, можно даже сказать, мне совсем не повезло. Казалось, злобная местная фея, которую лет пятьсот тому назад забыли пригласить на крестины одного из Медичи, вдруг решила отыгаться за нанесённую ей обиду и выместила на мне и моих друзьях всё недовольство, скопившееся за пять веков. Для начала она заперла наше средство передвижения на стоянке в Милане, откуда мы не могли выехать несколько часов из-за первомайской демонстрации тружеников, перекрывшей автодвижение в центральной части города. Мы и не подозревали, что в Италии лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» никто не отменял. Соответственно, к вожделенному пункту назначения мы подъехали после заката и долго плутали по узким, затемнённым нависающими крышами улочкам в поисках заказанной гостиницы. До начала эры навигаторов оставалось по крайней мере лет десять, а на наши английские вопросы флорентийцы безразлично пожимали плечами. В конце концов над отчаявшимися путниками смилостивился таксист, очевидно не из местных. Он ехал впереди, указывая дорогу, одобряюще подмигивал фарами, и в два счёта мы достигли нужного нам постоянного двора.

На этом фейские козни не закончились. Очень хотелось есть, а ещё больше хотелось выпить для снятия усталости и стресса, а также по случаю праздника 1 Мая. Гостиничный консьерж порекомендовал нам «very nice restaurant», куда мы незамедлительно и направились.

На нашу просьбу принести для начала рюмку граппы (сорт виноградной самогонки) ввиду отсутствия нашей отечественной водочки молодая официантка высокомерно заявила, что они, флорентийцы, пьют граппу в конце трапезы для улучшения пищеварения, а вовсе не в начале, поэтому она её нам не принесёт. Подобный ответ клиенту, который, как известно, всегда прав, нас несколько удивил. Может быть, она плохо поняла наш прекрасный английский? Идеально артикулируя звуки, мы повторили просьбу, заметив, что они – флорентийцы – могут делать что хотят, но мы – русские – будем пить что хотим и когда нам хочется. Скромная мечта о простой рюмке крепкого алкогольного напитка неожиданно наскочила на риф тос-

канского упрямства. Однако где это видано, чтобы русский человек в споре за право обладания стопкой самогона уступил какой-то там недоваренной зелёной тосканской спагеттине? И относительно спокойное противостояние на повышенных тонах переросло в очевидный скандал. Прибежал умудрённый жизненным опытом метрдотель и молниеносно погасил конфликт, налив нам требуемого и извинившись за нерадивость неопытного подчинённого. Но российская лошадка закусил удила, и мы покинули заведение, несмотря на мольбы управляющего остаться. Правда, рюмашку мы всё же опрокинули за счёт заведения. С поля боя мы ушли с гордо поднятой головой. А голод утолили в соседней trattoria, где хозяин знал своё дело – и напоил, и накормил, и денег заработал.

Купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре работы Филиппо Брунеллески

На следующий день фея приготовила нам очередной сюрприз. Поскольку для бывших советских людей эра великих индивидуальных географических открытий только начиналась, то путешествие заказывалось через пока мало кому известное туристическое агентство. Очевидно, озлобленная фея именно в нём и работала, и это она прислала нам экскурсовода с русским языком. Прошло с тех пор лет двадцать, но забыть нашу гидшу я так и не смогла.

Звали её Иорданка – в честь реки Иордан, где Иоанн Креститель совершал главный обряд посвящения в христианство. Была она болгаркой, вышедшей замуж за флорентийца. Как полагалось всем болгарам во времена Варшавского договора, в школе она учила русский, что в её понимании являлось достаточным основанием для признания себя знатоком «великого и могучего», а заодно и специалистом по истории родного города мужа. Тогда я ещё не подозревала о степени «величия» всех флорентийцев и тем более не догадывалась, что даже сам факт проживания в этом городе оказывает на людей магическое действие. Во всяком случае, наш

гид Иорданка считала себя истинной флорентийкой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Каждое второе предложение она начинала со слов: «Мы, флорентийцы...», далее шло: считаем, думаем, уверены, не сомневаемся, воспели, написали, построили, накреативили и т. д. самое великое, интересное, незабываемое, красивое, гениальное, одухотворённое и т. д. в Италии, а следовательно, и на всей планете.

Палаццо Веккьо на площади Синьории

Под флорентийский тамтам восхвалений самих себя мы бешеным аллюром промчались мимо соборов Санта-Кроче, Санта-Мария-Новелла, Санта-Мария-дель-Фьоре, задержавшись на несколько минут у баптистерия с позолоченными воротами работы Гиберти (кстати, баптистерий сравнительно недавно закончил выполнять основную свою функцию по крещению младенцев и занесению их имён в городской реестр). Ещё минут пять мы постояли на площади Синьории у Палаццо Веккьо и пообщались с копиями статуй великих скульпторов. С выпученными от вида многочасовой очереди глазами мы миновали галерею Уффици и выскочили на Лунгарно – набережную реки Арно у Золотого моста Веккьо, узнав, что до начала XVI века на нём торговали мясом, а не золотыми украшениями. Затем мы нырнули обратно в лабиринт узких, тёмных и неприветливых улиц с каменными стенами домов пятидесяти оттенков скучного, депрессивного серого цвета. Утомляющее обилие современных огромных витрин отнюдь не радовало глаз, оно приводило в недоумение: зачем старинному городу понадобилось уродовать себя кричащими окнами из другой эпохи? Наконец мы оказались на Пьяцца делла Република, где во времена Юлия Цезаря находился центр города, а теперь она пребывала в монументальной застройке времён объединения Италии во второй половине XIX века. Здесь Иорданка решила с нами распрощаться и потребовала чаевых. Обалдевшие от пулемёт-

ной очереди болгаро-русского наречия и хамоватой тётеньки, мы расстались с несколькими тысячами лир, недоумевая, за что они, по сути, ей заплачены. А подумав, единогласно пришли к мнению, что за возможность больше никогда её не видеть и не слышать можно было бы и ещё добавить денег.

Первое короткое посещение Флоренции меня разочаровало. Я чувствовала себя обманутой и обиженной, как ребёнок, которому вместо обещанной новой красивой куклы подсунули странную и непонятную игрушку. В общем, город Данте и Микеланджело я покинула без всяких сожалений. Впереди нас ждал Рим.

Прошло года три, и капризная фея решила изменить моё первое впечатление от Флоренции.

Глава II. Увидеть Флоренцию и не умереть

В этой главе постсоветская система здравоохранения и дух Флоренции одерживают блестящую победу над болезнью

Однажды на прогулочной дорожке клинического санатория «Барвиха» судьба столкнула меня с медленно идущей навстречу немолодой дамой. Мы поздоровались и разговорились. Дама звалась Прасковьей Александровной и в подмосковном медицинском учреждении проходила курс реабилитации после тяжелейшего инфаркта с последующим шунтированием сердца. Прасковья Александровна глянулась мне сразу и безоговорочно. Нравилось мне всё: неторопливость движений, небрежная элегантность в одежде, низкий глубокий голос, необыкновенная доброжелательность (за пятнадцать лет дружбы я только один раз услышала от неё негативное мнение о ком-то: «Вы знаете, мне кажется, он не очень хороший человек»), мягкая ирония, внимание к собеседнику. Она не только слушала, но и слышала, живо реагируя на сказанные слова. Прасковья Александровна принадлежала к тому типу женщин, про которых моя бабушка говорила: «Она очень интересная», что в переводе означало: запоминающаяся внешность и неординарная личность.

Так оно и было. Пуся, как ласково называл её муж, родилась в правильной интеллигентной московской семье с дипломатическим уклоном. Провела несколько лет с родителями в Нью-Йорке, а достигнув «призывного возраста», поступила на кафедру искусствоведения исторического факультета университета имени Михайло Ломоносова, где в конце сороковых годов прошлого столетия лекции читались корифеями, чудом избежавшими сталинских репрессий. Юная студентка Прасковья по уши влюбилась сначала в Италию, а потом в красавчика и умницу Игоря Макарова. Обе влюблённости Прасковья Александровна пронесла через всю жизнь. Игорь Михайлович сделал головокружительную карьеру во многом благодаря тому, что рядом с ним всегда была верная, преданная, умная, тонкая и любящая женщина.

Вот её-то я и встретила у озера барвихинского санатория. Мы взяли за правило вместе выходить на «тропу здоровья», проводя время в приятной беседе о том о сём и обо всём, начиная с последних московских театральных премьер и выставок и заканчивая фасончиком кофточки, недавно купленной в заграничной поездке. Буквально с первой встречи мы поняли, что обе неравнодушны к Италии, но отдаём предпочтение разным её частям: она северу, я – югу.

Прасковье Александровне больше всего нравилась Флоренция. Я слушала её восторженные рассказы о неподобном городе Микеланджело и Боттичелли, о великих Медичи, сногшибательных фресках Джотто, коридоре Вазари, несметных богатствах галереи Уффици и дворца Питти, о дивных садах Боболи, о культе прекрасной дамы Беатриче, воспетой Данте, и многом другом. Я узнала, что Прасковья Александровна чудом не умерла, приехав на свидание с горячо любимым городом. В первую же ночь ей стало плохо, местная скорая помощь Мизерикордия отвезла её в знаменитую больницу Санта-Мария-Новелла, где ей оказали первую и правильную помощь, а через несколько дней спецтранспорт доставил больную на операционный стол академика Чазова.

Но не только знаменитый хирург спас Прасковью Александровну. Я уверена, что во время многочасовой операции над ней витал дух любимого ею города, который не мог допустить печального исхода, ведь он считал себя истинным флорентийцем, а следовательно – всемогущим.

Трепетное отношение моей новой знакомой к старой Флоренции заставило меня задуматься о собственных связях с великим городом. Неужели глупая официантка и нерадивая гидша Иорданка так сильно повлияли на моё восприятие общепризнанного центра культуры эпохи Возрождения?

«Давайте разберёмся и начнём с самого начала», – сказала я себе и перечитала «Образы Италии» Павла Муратова. Затем мне попались два американских автора, бросивших на Флоренцию более современный взгляд. Штатники написали хорошо, со знанием предмета, с уважением и, как водится, возведённым в ранг обязательного преклонением перед бывшим городком для вышедших в отставку легионеров Юлия Цезаря. При чтении меня несколько раздражала безапелляционная уверенность писавших в том, что только они, американцы, спасли Италию и Тоскану, в частности, от немецкой оккупации, неохотно, правда, признавая некоторую помощь британцев и местного Сопротивления, и что только деньжата дяди Сэма помогают до сих пор сохранить культурные ценности Флоренции. А больше всего, с моей точки зрения, американцам не хватало хотя бы толики иронии по отношению к себе и к великому городу.

Англичанин Генри Мортон исправил положение, создав, может быть, лучшее руководство по ознакомлению со страной и восхищению Италией. Родившись в 1892 году, Мортон прошёл две мировые войны XX века, работал на лондонской Флит-стрит, где не один век оттачивались лучшие журналистские перья. Он много ездил по родной стране и подытожил впечатления в нескольких книгах о Великобритании и её столице Лондоне. Удалившись на пенсию и поселившись в Африке, Мортон продолжал разъезжать по белу свету и писать, в результате чего появились блестящие «Прогулки по Италии» – от Милана до Сицилии. Я пришла в восторг от его восхитительной лёгкости и увлекательности повествования и решила, что отныне буду путешествовать, взяв на вооружение британское напутствие «Enjoy yourself» («Получай удовольствие»), которым руководствовалось не одно поколение английских путешественников, включая самого Мортон.

Однако возвращение во Флоренцию было вызвано не самой приятной причиной: нам требовалась специальная медицинская помощь, которую мог оказать доктор, живущий и практикующий в этом городе. Вот уже несколько лет я трижды в год бываю во Флоренции и чувствую, как постепенно во мне происходит что-то странное, похожее на раздвоение личности. С одной стороны, я всё больше и больше начинаю чувствовать себя флорентийкой, а с другой – мои космополитанские корни активно этому процессу сопротивляются, напоминая про «вкус французского», про «мой финский домик» и про «страну длинного белого облака», не говоря уже про московский дворик и аскотскую шляпку. Как же быть? «Надо выговориться, – решила я. – Расскажу всё-всё, что со мной произошло в этом городе, а там будет видно». А рассказ начну с первого возлюбленного Флоренции – поэта и гражданина Данте Алигьери. Взаимоотношения этих двоих, их любовь-ненависть, очень показательны и типичны как для города, так и для его обитателей.

Глава III. Про Данте

Глава совершенно антинаучная, наполненная домыслами, догадками и предположениями автора, единственным оправданием которым может послужить использование некоторых хорошо известных и всеми признанных фактов

Однажды после мучительной смерти Римской империи её бывшие территории распались на многочисленные княжества, королевства, герцогства и республики, население которых стало изо всех сил портить чудесную латынь, превращая её в народно-вульгарную. В этом процессе жителям весьма помогли бесконечные нашествия врагов и варваров. Дело кончилось тем, что Юг и Север практически перестали понимать друг друга. Если мы, русские, несмотря ни на что, догадываемся, что хотят сказать украинцы, и точно улавливаем смысл слов белорусов, то неаполитанцам, генуэзцам, венецианцам и другим стал требоваться переводчик. В результате многовековых лингвистических подвижек примерно тридцать диалектов начали претендовать на роль самостоятельных, культурных и престижных языков. Однако бурно развивавшаяся и богатевшая Флоренция растолкала всех локтями и вырвалась вперёд в своих претензиях на доминирующее положение тосканской «мовы». И вот тут-то на культурно-литературном небосклоне уходящего Средневековья воссияла звезда Данте Алигьери.

Сегодня, по общепринятому итальянскому мнению, он – «их всё», так же как у нас Пушкин – «наше всё». Это означает, что великий флорентиец, во-первых, в своей «Божественной комедии» заложил основы будущего общенационального литературного языка, а во-вторых, его гениальное творение породило вирус, возбудивший в XIX веке дремавшее самосознание итальянского народа как единой нации. Данте, Гарибальди и примкнувший к ним Мандзони стали символами объединения страны. В этой великолепной троице роли распределились следующим образом: Данте и Мандзони отвечали, так сказать, за идеологию и морально-патриотический дух, а Гарибальди взял на себя организацию военного противостояния австрийским оккупантам. В результате «наши» победили, а город, когда-то изгнавший пророка из своего отечества, стал столицей нового государства – королевства Италии. Правда, на главных ролях Флоренция продержалась недолго, всего пять лет. За это время она успела ещё больше раздуться от собственной значимости, безжалостно стёрла с лица земли немало памятников прошлого, например крепостные стены Арнольфо ди Камбио, и пышно отметила шестисотлетие своего величайшего поэта-изгнанника.

Автор «Божественной комедии» Данте Алигьери (портрет работы Сандро Боттичелли, ок. 1495 г.)

Согласно семейной легенде, предки Данте происходили из римского рода Элизеев и якобы участвовали в основании Флоренции, где-то незадолго до Рождества Христова. Прапрадед Данте сходил в XII веке в крестовый поход, за что был посвящён в рыцари, после чего погиб в бою с неверными. Рыцарь был женат на даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана, и один из его сыновей получил имя, производное от фамилии матери, – Алигьери. Данте исполнился годик, когда его дед вернулся из ссылки – очень модной меры наказания за участие в политических распрях между гвельфами и гибеллинами. Одни поддерживали папу, другие – императора Священной Римской империи. К власти путем заговоров и переворотов

приходили то одни, то другие и начинали правление с расправы над соперниками: изгоняли из города, отбирали собственность, а если уличали в коррупции и взятках, то сжигали, подвесив провинившегося вниз головой.

Точная дата рождения поэта неизвестна, зато есть сведения, что он был крещён 26 мая 1265 года в баптистерии церкви Святой Репараты под именем Дуранте. В этот день просто младенец стал истинным флорентийцем со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Позже церковь снесли, на её месте воздвигли кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре; баптистерий, по некоторым данным, построенный в 405 году в честь последней победы римлян над вестготами, украсили чудесными воротами работы Гиберти, а из имени Дуранте исчезли две буквы, оставив миру Данте.

Мальчик рано лишился матери, от второго брака отца в семье Алигьери появилось ещё трое детей. По каким-то причинам о своем родителе Данте нигде не вспоминает.

Одни считают, что это из-за не сложившихся отношений с мачехой и из-за спора за наследство с единокровными братьями. Мнение других, мне кажется, более соответствует непростому, мягко говоря, характеру гения. С его точки зрения, как человека с рыцарскими корнями и политически ангажированного, отец пренебрёг и родовыми понятиями, и приличиями, занявшись постыдным в те времена ремеслом ростовщика-менялы, а главное – он предал благородное дело белых гвельфов. Выдающимся банкиром (в XIV веке ростовщикам присвоили почётное звание банкиров) папаня, скорее всего, не стал, но, думаю, кое-какие деньжата жене и детишкам оставил, так что было из-за чего спорить. Вполне вероятно, что Дант (так поэта называла русская культурная общественность в XIX веке) не смог простить отцу неправильный выбор для него невесты. По распространённому обычаю того времени, семьи договаривались о браках детей чуть ли не с грудного возраста последних.

Мальчику Алигьери исполнилось двенадцать, когда 9 февраля 1277 года его обручили с шестилетней Джеммой Донати. Расторгнуть помолвку, конечно, можно было, но несостоявшаяся свадьба грозила страшными последствиями – кровавой мстостью вплоть до полного истребления семьи, не сдержавшей слово. А могла привести к очередному витку политической напряжённости в городе и даже к гражданской войне, как это случилось в начале XIII века. Никколо Макиавелли примерно так описал это событие. Богатая вдова из знатного рода Донати задумала выдать свою красавицу дочь за самого знатного жениха Флоренции – мессера Буондельмонти, но никому об этом не сказала. И вдруг она узнаёт, что потенциальный жених берёт в жёны девицу из рода Амидеи. В отчаяние она не впала, решив, что несравненная красота её дочери может расстроить предполагаемый брак. Однажды, когда юноша проходил мимо их дома, предприимчивая вдова выбежала ему навстречу со словами: «Я весьма рада, что вы женитесь, хотя предназначала вам в жёны мою дочь». И открыла дверь, за которой стояла девушка. Кавалер, увидев, как прекрасна эта молодая особа, и сообразив, что знатностью рода и богатством приданого она ничуть не уступает той, на которой он собирался жениться, загорелся таким желанием обладать ею, что, не думая об уже данном им слове, о тяжком оскорблении, каким явилось бы его нарушение, и о бедствиях, которые затем воспоследовали бы, не теряя ни минуты, справил свадьбу.

Известие о случившемся привело в негодование семейство Амидеи и их могущественных родственников Уберти. Они решили, что за такую обиду отмщением может быть только смерть мессера Буондельмонти. Сказано – сделано. Когда молодой человек переправлялся через реку на своём белом коне, воображая, что забыть обиду так же легко, как нарушить слово, его убили. Из-за этого убийства произошёл разлад во всем городе: одни приняли сторону Буондельмонти, другие – Уберти. И так как оба эти рода обладали дворцами, укрепленными башнями и вооружёнными людьми, то они воевали друг с другом в течение многих лет с переменным успехом. Война между этими двумя самыми могущественными семьями города в конце концов превратилась в политическое противостояние гвельфов (сторонников Папского государства) и гибел-

линов (тех, кто поддерживал императора Священной Римской империи). На несколько веков Флоренция погрузилась в междоусобицу, смуту и вражду, конец которым вместе с республиканским правлением положили Медичи в XVI веке.

Памятью о неприятностях мессера Буондельмонти, в коих была и доля вины семьи его будущей супруги, Данте навязанное ему обещание жениться сдержал. Точную дату свадьбы, в отличие от даты помолвки, установить пока не удалось. Есть предположение, что семейная жизнь Данте началась, когда ему не было и двадцати. Ни про эту жизнь, ни про свою жену он нигде не упоминает, что невольно наводит на мысль, что Джемму он не любил, а оковы Гименея терпел с трудом. Чем ему не угодила представительница состоятельной аристократической и весьма влиятельной семьи, мы никогда не узнаем, можем лишь предположить. Данте был типичным флорентийцем, то есть никогда, никому и ничего не прощал. Возможно, ему не нравилось, как Джемма стирала его нижнее бельё, или она не разделяла его восхищения Вергилием, а может быть, просто-напросто была брюнеткой, а ему нравились блондинки. Но, как бы там ни было, Джемма выполнила основное условие брачного контракта – родила сына-наследника Якопо и на всякий случай ещё одного мальчика Пьетро и девочку Антонию. Она тихо сидела дома, вела хозяйство, воспитывала детей и, наверное, гордилась успехами мужа на политическом поприще. Зря она это делала, как мы увидим позже. Кроме упомянутой выше черты истинного флорентийца – «не прощать» – Данте обладал и другими достоинствами жителей этого города. Был он гордым, самолюбивым, непреклонным, честолюбивым, умным, хватким, непримиримым, категоричным, несговорчивым, бескомпромиссным, недобрый, что не мешало ему одновременно быть верным другом, честным, порядочным и прекрасно образованным. Судя по оставленному им литературному наследию, боюсь, что и с чувством юмора у него имелись проблемы.

Где точно учился Данте, неведомо, но, безусловно, от своего первого наставника – известного в то время поэта и учёного Брунетто Латини – молодой человек получил познания в античной и средневековой литературе, а также в естественных науках. Был он знаком и с еретическими учениями, за пропаганду которых могли тогда и поджарить; во всяком случае, катары, богатые еретики из Лангедока, заплатили за свою веру самую дорогую цену – их полностью истребили.

Каждый уважающий себя юноша из хорошей семьи во все времена непременно самовыражался, упражняясь в стихосложении. Данте не был исключением. Он прекрасно разбирался в поэзии, близко дружил с известным в литературных кругах поэтом Гвидо Кавальканти и сам писал в стиле, получившем название *stil nuovo* – «новый стиль».

Недолго, всего лишь года два, Данте изучал юриспруденцию и философию в университете Болоньи, который приютил в своих научно-культурных стенах трубадуров и труверов из Прованса и Лангедока, чудом уцелевших после массовых религиозных чисток. Их куртуазная поэзия на изысканной латыни широкий круг читателей не волновала. Она нравилась эстетствующему меньшинству образованных людей припозднившегося Средневековья, таких как Дант, например. Он не только высоко оценил её, не только проникся её традициями, но и реанимировал угасающий культ Прекрасной Дамы. Его Дама не просто воспарил над окружающим миром – она вознеслась на недостижимую высоту и оказалась в раю «Божественной комедии».

Дама существовала во плоти, звалась Беатриче и посещала с родителями ту же церковь, что и семья Алигьери. Будучи отроком, Данте видел её несколько раз, словом с ней не обмолвился, но после знакомства с творчеством трубадуров вспылал к ней платоническими чувствами неслыханной силы. Он наделил её высокой духовностью, ангельским характером, прелестной внешностью и всеми возможными добродетелями. Он создал прекрасный образ несуществующей идеальной женщины и неистово ему поклонялся. Беатриче ничего этого не узнала, потому что не подозревала о чувствах юноши и умерла молодой в возрасте 23 лет.

Как считают некоторые, лучшие любовные отношения – это те, которых никогда не было в реальности, и жизнь Данте отличное тому подтверждение. Беатриче позволила, с одной стороны, проявить поэту свой дар и игру воображения, а с другой – помогла человеку и мужчине реализовать себя в том, чего ему больше всего не хватало в личной жизни, чего он был лишён, – в необыкновенных, возвышенных чувствах и неведомых платонических наслаждениях. Прекрасная и недоступная Дама Беатриче – это попытка преодоления превратностей судьбы, это протест против вмешательства в личную жизнь и возможность самоутвердиться. Бедная Джемма! Наверняка «добрые люди» рассказали ей про измену мужа, пусть и существовавшую всего лишь на бумаге, либо она сама прочла в 1291 году «Новую жизнь» – книгу, состоящую из сонетов, канцон и прозаического рассказа о любви автора к Беатриче. Иногда слова ранят не хуже кинжала, и рана от них никогда не заживает. Возможно, ревность и оскорблённая женская гордость заставили Джемму остаться во Флоренции и не последовать за мужем в ссылку.

Мой знакомый флорентиец Маттео высказал свою версию относительно отсутствия у Джеммы синдрома жены декабриста. Она пренебрегла супружескими обязанностями и вернулась в родительский дом не из-за финансовых трудностей, не из-за сложного характера мужа и его индифферентного к ней отношения, просто она настолько сильно любила Флоренцию, что и помыслить не могла с ней расстаться и жить вне крепостных стен родного города. Он, Маттео, не смог. Несколько месяцев ему пришлось работать на острове Капри, и всё это время он страшно страдал, плохо спал, потерял аппетит и в конце концов впал в глубочайшую депрессию. Чтобы не свихнуться, он вернулся в Тоскану, прервав карьерный рост и потеряв приличную зарплату.

Возлюбленная поэта Данте – Беатриче (художник Мария Стилман, 1896 г.)

Позже, находясь в Вероне, Данте вызвал к себе старшего сына Якопо (а вовсе не Джемму – ну не хотел он её, и точка), который прижился в городе, приютившем отца. Здесь он женился, получил титул графа и оставил наследников. До сих пор в славном граде Вероне живут потомки Данте Алигьери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.